

Живая память в исследованиях П. И. Зинченко (ретроспект и проспект)

В. П. Зинченко¹

доктор психологических наук, профессор, действительный член РАО, профессор Института общего среднего образования РАО и кафедры общей и экспериментальной психологии Высшей школы экономики

Дан краткий очерк биографии П. И. Зинченко. Его исследования памяти рассмотрены в контексте культурно-исторической психологии, психологии действия и деятельности. Результаты исследований памяти, полученные П. И. Зинченко, интерпретируются в терминах концептуальных схем «глубины обработки информации» и «уровней активности».

Ключевые слова: судьба, случай, непровольная и произвольная память, глубина обработки, уровни активности, функциональный орган.

Все можно сделать естественным.
Блез Паскаль

1. Судьба и случай

Михаилу Булгакову принадлежит, видимо, все же избыточно оптимистическая фраза: «Рукописи не горят», которая имеет отношение не только к литературе, но и к науке. Науке, как и человеку, присущи разные виды памяти: кратковременная, оперативная, долговременная и постоянная, или автобиографическая (история). Что-то из долговременной памяти вдруг становится актуальным и вновь входит в научный дискурс. Такому «вдруг» работы моего отца Петра Ивановича Зинченко, выполненные в 30–60-х гг. XX столетия, обязаны усилиям Б. Г. Мещерякова, который не только вспомнил о них, но и дал себе труд сопоставить их с работами наших англоязычных коллег. Я очень рад, что они не остались равнодушными ни к статье Б. Г. Мещерякова, ни к работам П. И. Зинченко. И речь, конечно, идет вовсе не об утверждении приоритета в высказывании той или иной идеи или в обнаружении того или иного эффекта или феномена. Вопрос о приоритете в науке весьма щекотлив и второстепенен. Иногда важнее бывает, не кто первый высказал идею, а кто первый от нее отказался. Речь идет, прежде всего, о диалоге и о резонансе идей, концептуальных схем, теорий, о взаимной амплификации научных представлений. И так поздно состоявшийся диалог, на мой взгляд,

несомненно продуктивен, он открывает новые перспективы исследований памяти.

Мой отец ушел из жизни в 1969 г., т. е. еще до первых публикаций Ф. Крейка и Р. Локхарта, Дж. Мейса и С. Мак Кафферти, когда ему было около 66 лет (для участника Второй мировой войны это не так мало). В мои 78 лет в памяти он остается живым.

Я искренне благодарен всем авторам, принявшим участие в дискуссии, за высокую оценку исследований памяти П. И. Зинченко. Я подозреваю, что трактовка памяти (прежде всего непровольной involuntary, а не случайной incidental), как и концепции, развиваемые участниками дискуссии, в равной мере направлены на разъяснение мудрого тезиса Б. Спинозы о том, что хотя память сама родом из идеи, она есть ищущий себя интеллект. Она не только находит, но хранит и собирает его. По словам М. Хайдеггера, память — это собранность мышления. Такая ее характеристика соответствует положению Л. С. Выготского об интеллектуализации высших психических функций (это еще раз к вопросу о приоритете). П. И. Зинченко находил интеллект за непровольной памятью, которую не только усиливают, но и строят такие умственные действия, как например, классификация. Поэтому он старался переориентировать учебную деятельность школьников и студентов с заучивания материала на его понимание и ос-

¹ Эта статья первоначально была предназначена для публикации в предыдущем тематическом номере нашего журнала, но вследствие перегрузки номера автор великодушно согласился перенести публикацию своей статьи в следующий номер. Тематически статья связана с исследованиями памяти в Харьковской школе и современной психологии. — *Прим. научн. редактора.*

мысли. Этого умудрились не заметить его (и мои) друзья — Д. Б. Эльконин и В. В. Давыдов, когда создавали свою версию теории учебной деятельности.

Прежде чем самому включиться в дискуссию, я хотел бы добавить некоторые штрихи к биографии моего отца. Здесь мне не удастся удержаться от «реконструкций при воспроизведении», так хорошо описанных и оправданных Ф. Бартлетом в книге о памяти, опубликованной в 1932 г. Реконструкция при воспроизведении типична для припоминания собственной судьбы и жизни, она же позволительна при воспроизведении не чужой мне жизни родного отца, постоянно присутствующего в моей произвольной памяти. Он до сих пор играет в моей жизни роль аффективно-когнитивного и поведенческого образа совести.

Первый (и главный!) сюжет я хочу посвятить Судьбе и Случаю. Думаю, что исследование памяти было его судьбой или, как говорят в России: «на роду было написано». Однако без случая и без «хочу и могу», т. е. без чувства и воли судьба слишком часто оказывается бессильной. Впрочем, если верить Владимиру Набокову, то сама «Случайность — логика фортуны».

Итак, П. И. Зинченко родился в 1903 г. в многодетной крестьянской семье в слободе Николаевской на Нижней Волге. В семье было 13 детей (только 6 из них дожили до седых волос), и только он один получил высшее образование. Вначале он окончил Учительскую семинарию и после небольшой учительской практики стал школьным инспектором. Можно предположить, что в своей учительской, а затем и в инспекционной работе он заинтересовался памятью, которая у учащихся (во всяком случае, с точки зрения педагогов) никогда не бывает достаточной при усвоении необходимого (всегда ли необходимого?) учебного материала. До сих пор жива старая максима Ларошфуко: «Все жалуются на свою память, и никто не жалуется на свой ум». Возможно, П. И. Зинченко поражал контраст (как потом и меня) между слабостью произвольной памяти учащихся и удивительно здравым проницательным умом и великолепной живой памятью его неграмотной матери — моей бабушки Татьяны Петровны, прожившей до 90 лет и ушедшей из жизни в том же году, что и он. Возможно, память его не просто заинтересовала, а захватила своей тайной и, судя по его дальнейшей жизни, раскрытие этой тайны стало его судьбой.

Так или иначе, но отец решил продолжить образование и стать психологом. Во второй половине 20-х гг. он сделал попытку поступить на психологический (в то время — педологический) факультет Второго Московского университета, где преподавали П. П. Блонский, Л. С. Выготский, Г. Г. Шпет, А. Р. Лурия, вероятно, и А. Н. Леонтьев, и многие другие выдающиеся психологи. Однако учителя с Нижней Волги не приняли. Если бы его попытка увенчалась успехом, он бы учился вместе со своими будущими друзьями и коллегами, впоследствии ставшими известными учениками Выготского — В. И. Асниным, Л. И. Божович, А. В. Запорожцем,

Р. Е. Левиной, Н. Г. Морозовой, Л. С. Славиной. П. И. Зинченко вернулся на родину и вскоре был призван в армию. Волею случая он попал в один из самых культурных городов России — Харьков, бывший в то время столицей Украины. Отслужив в армии, он не вернулся домой, а поступил в Харьковский педагогический институт (называвшийся тогда Институтом социалистического воспитания), который окончил в 1930 г. В этом же году в Москве окончили университет А. В. Запорожец и другие. И здесь в свои права вступила судьба. В начале 30-х гг. в Харькове его «догнали» соратники и ученики Л. С. Выготского, да и сам Выготский несколько раз приезжал в Харьков, содействовал становлению Харьковской школы психологов (подробнее см. о ней: [61; 64; 67]). И вовсе не случайно П. И. Зинченко выбрал в научные руководители своего сверстника А. Н. Леонтьева, за плечами которого уже была книга «Развитие памяти», опубликованная в 1931 г. Устойчивый интерес к памяти у П. И. Зинченко сохранялся, и первая его диссертация была посвящена памяти школьников, но не запоминанию, а забыванию школьных знаний. Общий мотив и результат этой работы состоит в том, что забывание формы, в которой преподносятся школьные знания, не трагично. Сохраняется существо и смысл полученных знаний. Примечательно, что уже в этой работе он рассматривал забывание не как пассивное погружение содержаний памяти в некоторый мыслимый «физикальный низ», а как действие по их смысловой (семиотической) перешифровке, трансформации. Таким образом, забывание помогает институционализированному знанию становиться частью живого знания, например, такого, каким обладает хороший педагог. Едва ли П. И. Зинченко в то время знал о книге Ф. Бартлета. История повторяется. Ссылка на нее появилась только в его книге 1961 г. [34]. К сожалению, забывание редко становится предметом психологического исследования. Еще реже обращается внимание, что без забывания и реконструкций при воспроизведении не было бы полноценного воспоминания, а лишь буквальное, такое, которое описано А. Р. Лурией в «Маленькой книжке о большой памяти» [43]. Ее герой Ш. при своей абсолютной памяти был неспособен к творчеству, не умел «рой превратить в строй». Г. Г. Шпет писал, что забывание — кнут творчества, оно вздымает на дыбы фантазию [55, с. 360]. Однако и фантазия должна иметь свои границы. *Превращение дела памяти в дело воображения есть деградация* (Г. Ф. Гегель). Видимо, результаты, полученные при изучении забывания, натолкнули П. И. Зинченко на мысль, что повторение и заучивание не единственный и не самый эффективный способ приобретения знаний. И он обратился к изучению живого произвольного запоминания.

Таким образом, судьба и случай сделали П. И. Зинченко полноправным участником Харьковской психологической школы и на всю жизнь (кроме лихих годов Второй мировой войны, на которой ему довелось быть сапером) связала его с друзьями и коллегами, часть из которых потом переехала в

Москву. Отъезд в Москву А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, А. В. Запорожца, П. Я. Гальперина вынудил его после 1945 г. стать неформальным лидером Харьковской школы. Эту роль он исполнял добросовестно, ответственно, но без удовольствия. Значительно большую радость ему доставляла его педагогическая работа со студентами и аспирантами и проведение экспериментальных исследований памяти.

П. И. Зинченко оказал огромное, почти неправдоподобное, хотя и вполне произвольное влияние на судьбы своих близких. Его жена, моя мама, Вера Давидовна, училась вместе с ним, стала педагогом, затем начала преподавать психологию в Харьковской консерватории. Моя сестра — Татьяна Петровна Зинченко (1939—2001) и я стали психологами. (Меня отец отговаривал становиться психологом, иронизировал по поводу психологии: это не профессия, а довольно узкая специальность; психология после теологии и медицины — самая точная наука и т. п.) Моя жена — Наталья Дмитриевна Гордеева (по образованию — биолог) стала психологом. Наш сын Александр тоже стал психологом и женился на психологе Алле Волович. Сейчас они оба психотерапевты и живут в Беркли.

Пожалуй, самое удивительное, что сын и дочь, вслед за ним, посветили большое время исследованиям памяти. А внук, попав в США, защитил докторскую диссертацию по ностальгии, которая представляет собой ярчайшую форму, хотя и произвольной, но неуничтожимой, постоянной памяти, возможно, памяти рода. Это такая произвольная память, которая прочнее всякой произвольной. А ведь некоторые сомневаются в существовании культурной генетической памяти. История нашей семьи — свидетельство того, что такие сомнения неосновательны.

Если бы случилось невозможное и вся наша семья собралась вместе, то мы во главе с П. И. Зинченко смогли бы открыть, надеюсь, неплохой Психологический колледж.

2. Культурно-исторический контекст

Обращусь к ранним исследованиям и публикациям П. Зинченко, в которых забывание и запоминание трактовались как специальные мнемические — в широком смысле — психические действия или как результат действий познавательных, умственных, практических. Оба его исследования были опубликованы в малотиражном и неизвестном психологам (кроме ближайшего окружения харьковчан) издании — в Научных записках Харьковского педагогического института иностранных языков. Независимо от того как интерпретировать критику Выготского, имеющуюся в статье Зинченко о запоминании (я согласен с ее интерпретацией, предложенной Б. Г. Мещеряковым [49]), его собственные исследования, изложенные в ней, вполне соответствовали духу культурно-исторической теории Выготского. Память исследовалась в них не как нату-

ральная психическая функция, а как функция культурная, опосредованная действием. Зинченко начал рассматривать действие как медиатор, который наряду со знаком, словом, символом играет решающую роль в формировании памяти как высшей психической функции. Новым, по сравнению с культурно-историческим подходом к психике и сознанию, было то, что само мнемическое действие стало предметом и задачей психологического исследования. Своеобразие его подхода к памяти состояло в том, что он не стал изучать мнемическое действие, так сказать, «в лоб», а шел к нему постепенно: от изучения действий ориентировочных, познавательных, умственных. То есть от действий, обеспечивающих эффективность произвольного запоминания. Затем он прослеживал, как эти, прежде самостоятельные, целенаправленные действия превращаются в способы, приемы, операции целенаправленного мнемического действия. Таким образом, в исследованиях П. И. Зинченко именно действие выступило в качестве единицы структурного, функционального и генетического анализа памяти.

Следует напомнить, что в то время П. И. Зинченко работал рядом с другими замечательными исследователями. А. В. Запорожец изучал сенсорные и интеллектуальные действия; В. И. Аснин — действие — навык; П. Я. Гальперин изучал орудийные действия. Все эти исследования 30-х гг. развивали идеи Выготского и одновременно с этим послужили фундаментом для созданной позднее А. Н. Леонтьевым психологической теории деятельности. Было бы наивно думать, что этим исследованиям уже предшествовала некая теория деятельности. Скорее, можно говорить о ее предощущении, которое легко обнаружить в работах самого Л. С. Выготского и в книге А. Р. Лурии «Природа человеческих конфликтов» [44]. Например, П. И. Зинченко писал, что Выготским намечается подход к памяти как к особой по своим функциям деятельности: «...память означает использование и участие предыдущего опыта в настоящем поведении, с этой точки зрения память и в момент закрепления реакции и в момент ее воспроизведения представляет собой деятельность в точном смысле этого слова» [11, с. 153]. Важно не то, кто в контексте психологии памяти использовал понятие «деятельность», а то, какое развитие получила идея трактовки психики как деятельности. Как ни странно, ее развитию способствовало то, что в начале 30-х гг. А. Н. Леонтьев отказался от опасной для того времени программы Выготского, направленной на изучение сознания, и начал строить собственную программу психологических исследований. Она постепенно приобретала очертания программы изучения деятельности, что не в последнюю очередь было связано с его повышенной чувствительностью к «методологическому принуждению» (термин П. Фейербенда) со стороны господствовавшей марксистской идеологии. В полной мере Леонтьев оценил значение вклада Выготского в изучение сознания лишь в 1967 г. Несколько лет спустя он

предложил продуктивный путь изучения сознания, выделив в качестве его образующих значение, смысл и чувственную ткань.

Оглядываясь назад, можно не без сожаления констатировать, что Леонтьев представил свою версию психологической теории деятельности в достаточно абстрактной форме, сделав акцент на ее философско-социологических обоснованиях. Богатая эмпирия и экспериментатика, добытая его коллегами, не служила фундаментом его теории, в ней он видел только иллюстрацию своих абстракций и отфильтровывал остальное как нерелевантное теории. Это способствовало постепенному превращению понятия деятельности в методологический (в философском смысле слова) принцип объяснения всей психической жизни человека, включая его сознание и личность. Сегодня эти претензии значительно уменьшились, но инерция сохраняется. В том, что происходило с психологической теорией действия, была определенная логика. Любое представление, будь то представления о деятельности, о сознании, об установке, о гештальте и т. п., становящееся средством объяснения другой реальности (в том числе психической), как писал К. Маркс, подвергается испарению путем превращения его в абстрактные определения. Такие определения необходимы, ибо на их основе возможно воспроизведение конкретного. Однако нет худа без добра. Таким конкретным стало изучение развития различных психических действий, а затем и их структуры. А принцип деятельности выполнил тогда полезную охранительную функцию, защищая идеологически беззаботных ученых, работавших в его рамках (или под его крышей!?). Эти ученые, в том числе, конечно, и сам А. Н. Леонтьев, изучали орудийные, сенсорные, перцептивные, мнемические, интеллектуальные действия, имеющие самостоятельную научную ценность, независимо от какой бы то ни было теории деятельности. Выполненные в 30-е и в последующие годы исследования перечисленных действий представляют собой своего рода пролегомены к некоторой будущей и давно назревшей общей психологической теории действия. При изучении действия невозможно столь резкое, как в теории деятельности, противопоставление внешнего и внутреннего, исполнительных и ментальных, когнитивных актов, которое мешает исследованию и тех и других, превращает эмпирически наблюдаемые эффекты интериоризации и экстериоризации в научную и философскую парадигму, а на деле заводит в тупик, из которого нет выхода. Для того чтобы придти к идее интериоризации, не нужно быть ученым-психологом, будь его имя П. Жане или Л. С. Выготский. В 1922 г. В. Э. Мейерхольд писал: «Основной недостаток современного актера — абсолютное незнание современной биомеханики. Только некоторые исключительно большие актеры интуитивно угадывали правильный метод игры, то есть принцип подхода к роли не от внутреннего к внешнему, а, наоборот, от внешнего к внутреннему, что конечно способствовало развитию в них громадного технического мастерства; такими были Дузе, Сара Бернар, Грассо, Шалапин, Коклен и др ...» [48, т. 2, с. 488–489].

Недальновидно и опрометчиво распространять это положение на все творчество в искусстве, а тем более — на всю психологию. В. В. Кандинский утверждал, «что внешнее, не рожденное внутренним, мертворожденно» [37, с. 28].

В действии, действительно, интегрирована вся психология индивида; перцептивное, мнемическое, умственное, практическое действие, аффекты и переживания — это условные понятия, приемлемые лишь в плане аналитической абстракции, ибо в живом действии и даже в живом движении перечисленные атрибуты неотделимы друг от друга. С. Л. Рубинштейн видел в действии зачатки всех элементов психологии, что давало основание его утверждению: действие есть исходная единица анализа всей психики. Однако действие, равно как и деятельность, не столько интериоризируется, сколько дифференцируется. Думаю, что вовсе не случайно в тезаурусе П. И. Зинченко не нашло места понятие «интериоризация». Замечу также, что задачи выведения ментальных актов из действия и сведения (редукции) их к ним не симметричны. Поэтому аналитическая абстракция ментальных актов и их изучение вполне законны, как законна и их интерпретация в терминах когнитивных действий. Что касается понятия деятельности, то сегодня оно в значительной мере утратило роль универсального объяснительного принципа, но, в сравнении с действием, еще не стало полноценным предметом научного исследования. Произошло то, что должно было произойти. Исследуемые компоненты предложенной А. Н. Леонтьевым структуры деятельности стали много богаче контекста, в который они входили, чем и вызвана необходимость создания психологической теории действия. Богаче оказались и представления об «отдельных», или особых (в терминологии Леонтьева), деятельности: коммуникативной, игровой, учебной, трудовой. К середине 70-х гг. это признал и А. Н. Леонтьев: «Человеческая деятельность не существует иначе, как в форме действия или цепи действий... подчиняющихся *частным целям*, которые могут выделяться из общей цели... роль общей цели выполняет осознанный мотив, превращающийся, благодаря его осознанности, в *мотив — цель*» [42, т. II, с. 154–155]. Таким образом, стирается ранее установленное автором качественное различие между деятельностью и действием: деятельность подчинена мотиву, действие — цели. Остается лишь количественное. Прав был Э. Г. Юдин [56], утверждавший, что квинтэссенцией деятельностного подхода к психологии является изучение действия.

Поэтому-то так важно обращение к истокам возможной общей психологической теории действия и именно этим, видимо, объясняется интерес к начальному этапу становления Харьковской психологической школы [57; 66]. Есть и еще одна, казалось бы, внешняя, но не менее веская причина обращения к первым работам ученых. В них присутствует особый аромат непосредственного и искреннего удивления тем, что им открылось в таинственном акте интуиции. В них еще нет патины академизма. В них ра-

дость интуиции преобладает над бременем необходимых доказательств. Сказанное, разумеется, имеет общий характер и относится не только к представителям обсуждаемой научной школы. Я далек от того, чтобы сомневаться в существовании теории деятельности. Сомневающимся достаточно и без меня, виной чему, возможно, является ее схематизм. С. Л. Рубинштейн в последние годы жизни отошел от субъект-объектной парадигмы и обратился к проблеме Человек — Мир [53], А. Н. Леонтьев также в своих последних работах [42] обратился к образу Мира. Мне кажется, что подобная переориентация должна дать новый импульс развитию теории деятельности. Для Леонтьева понятие деятельности было синонимом предметной деятельности, последняя вполне укладывается в субъект-объектную парадигму. В нее, кстати, не укладывается культурно-историческая психология. Смена парадигмы и обращение к Миру настоятельно требует обращения к анализу духовной деятельности. Здесь для психологии неоценимы уроки М. Хайдеггера, М. М. Бахтина, В. В. Библихиной, М. К. Мамардашвили, Г. Г. Шпета. В новом свете могут выступить исследования живой памяти П. И. Зинченко, живого движения Н. А. Бернштейна, произвольного (свободного) действия А. В. Запорожца, равно как и подходы к изучению сознания Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева, а также развитие в этих подходах в работах Ф. Е. Василюка и В. П. Зинченко.

После высказанных общих соображений позволю себе включиться в дискуссию. Я не стану писать комментарий к комментариям, за которые я могу лишь еще раз высказать свою признательность всем авторам. Остановлюсь на двух вопросах, которые мне кажутся наиболее важными. Первый — уровневое строение памяти шире — и психики и сознания. Второй — соотношение непосредственного и опосредованного в поведении и деятельности человека.

3. Глубина обработки и уровни активности

Вне идеи развития (дизонтогенеза и распада) в психологии слишком многое остается необъяснимым. В любом исследовании развития выделяются ступени, стадии, уровни. Возникают проблемы структурной характеристики того или иного уровня, структуры сложившегося психического акта в целом. Одно из первых представлений о структуре сознания принадлежит З. Фрейду. Применяв топографический подход к психическим явлениям, он выделил сознательное, предсознательное, бессознательное и определил их как динамические системы, обладающие собственными функциями, процессуальными чертами, энергией и идеационным содержанием. Несмотря на разностороннюю, порой хорошо обоснованную критику, представления Фрейда об уровне строении сознания стали клише или схематизмом не только психологического сознания, но и сознания европейской культуры XX в. Жив он и в XXI в.

Непосредственное отношение к проблематике уровней сознания имеет предложенное в 1922 г. Г. Г. Шпетом расчленение уровней восприятия и понимания слова: услышав произнесенное *N* слово, мы умеем отличить воспринятый звук (1) как голос человека — от других природных звуков, воспринять его как общий признак человека; (2) как голос *N* — от голоса других людей, как индивидуальный признак *N*; (3) как знак особого психофизического (естественного) состояния *N*, в отличие от других возможных состояний его или какого-либо другого человека. Все эти функции естественные, природные. Далее, мы воспринимаем слово как явление не только природы, но также как факт и «вещь» мира культурно-социального. Мы воспринимаем слово (4) как признак личности культуры и принадлежности *N* к какому-то менее или более сознательному кругу человеческой культуры и человеческого общежития, связанного единством языка. Если оказывается, что язык нам знаком, то мы его (5) узнаем как определенный язык, узнаем фонетические, лексические и семасиологические особенности языка, и (6) в то же время понимаем слышимое слово, т. е. улавливаем его смысл, различая вместе с тем сообщаемое по его качеству простого сообщения, приказания, вопроса и т. п., т. е. вставляем слово в некоторый нам известный и нами понимаемый *смысловый и логический номинативный контекст*. Если мы достаточно образованны, мы (7) воспринимаем и, воспринимая, различаем условно установленные на данной ступени культуры формы слова в тесном смысле *морфологические* («морфемы»), *синтаксические* («синтагмы») и *этимологические* (точнее, словообразовательные). Особняком стоит момент (8) различения того *эмоционального* тона, которым сопровождается у *N* передача понимаемого нами осмысленного содержания «сообщения». Последний «момент» представляет собой в такой же мере факт культурно-социальный, как и *естественный*, сам лежащий в основе человеческого (и животного) общения. Шпет специально предупреждает, что эта последовательность не воспроизводит временного эмпирического ряда в развитии и углублении восприятия. В заключении он говорит: «Приведенное расчленение восприятия слова только приблизительно намечает самые общие контуры его структуры. Каждый член ее — сложное переплетение актов сознания» [55, с. 384–387]. Выделенные Г. Г. Шпетом уровни восприятия и понимания слова можно было бы соотнести с разделением психических функций на натуральные и культурные, которое позднее произведено Л. С. Выготским, если бы не предупреждение Шпета, что намеченная им последовательность не воспроизводит временного эмпирического ряда в развитии и углублении восприятия.

Выявление уровней организации того или иного психологического акта есть лишь начало пути к изучению его структуры. Не буду далее следовать за Шпетом, рассматривающим новые данности, новые функции, новые углубления и «ступени» восприятия и понимания при обсуждении структуры слова, его внешних и внутренних форм. Ученик и сотруд-

ник Г. Г. Шпета — Н. И. Жинкин писал о целостном восприятии структуры слова: «Самые разнообразные слоговые слияния внутри слогового потока не являются помехами. Наоборот, они связывают слоговой поток в хорошо узнаваемое целое, обладающее собственным значением. Они узнаются как целое также, как любые предметы. Чтобы узнать нашего знакомого, не нужно рассматривать и «опознавать» по очереди его глаза, нос, уши и другие компоненты лица» [18, с. 17]. Слово имеет собственное лицо, сливающееся с его значением и смыслом. Иное дело — путь к такому восприятию слова. (Справедливо и обратное: как говорил Эм. Левинас, «Человеческое лицо — это слово».)

Уровневая организация присутствует и в структуре деятельности, предложенной А. Н. Леонтьевым. Таким образом, для психологии идея уровневой обработки материала, с которым сталкивается человек, вполне естественна. Была бы та глубина, в которую следует (и хочется) погружаться.

В качестве иллюстрации приведу выписку из искусствоведческой работы русского философа М. О. Гершензона: «Пленительность искусства — та гладкая, блестящая переливающая радугой ледяная кора, которую как бы остывает огненная лава художнической души, соприкасаясь с наружным воздухом, с явью... Но вместе с тем блестящая ледяная кора скрывает от людей глубину, делает ее недоступной; в этом — мудрая хитрость природы. Красота — приманка, но красота — и преграда... Для слабого глаза она непрозрачна: он осужден тешиться ею одной, — и разве это малая награда? Лишь взор напряженный и острый проникает в нее и видит глубины, тем глубже, чем он острее. Природа оберегает малых детей своих, как щенят, благодетельной слепотою. Искусство дает каждому вкушать по силам его: одному всю свою истину, потому что он созрел, другому часть, а третьему показывает лишь блеск ее, прелесть формы для того, чтобы огнепалая истина, войдя в неокрепшую душу, не обожгла ее смертельно и не разрушила ее молодых тканей» [12, с. 228–229]. В приведенном отрывке речь идет о возможной глубине проникновения во внутреннюю форму произведения искусства, а соответственно, и глубине понимания его смысла, о полноте построения воспринимающим образом этого произведения. Надо ли говорить, что чем глубже понимание и эстетическое переживание, вызванное произведением искусства, тем прочнее оно будет храниться в душе.

С подобной ситуацией мы сталкиваемся при восприятии и понимании и интерпретации знака, слова, символа, мифа и других медиаторов-артефактов. Все они имеют свои внешние и внутренние формы, наличие которых артикулировано еще в античности, но детальная разработка понятий внешней и внутренней формы слова принадлежит В. Ф. Гумбольдту, Г. Штейналю, А. А. Потебне и Г. Г. Шпету [см.: 6; 59; 65; 21; 26]. В свете их исследований, долгие годы игнорируемых психологией, мы имеем дело не с привычной нам оппозицией между неопределенными внешним и внутренним, а с внешними и внутренни-

ми формами целого, которое представляет собой «метаформу». При относительной простоте внешней формы внутренняя форма артефактов избыточна и допускает большое число степеней свободы для интерпретации целого. А. Л. Доброхотов назвал такую избыточность «прибавочной значимостью»: «Независимо от намерений создателя или пользователя, любой артефакт скрыто содержит в себе не только утилитарное решение задачи, но и момент интерпретации мира. Этот момент и составляет «прибавочную значимость» артефакта, позволяющую мыслить культуру как целое и переходить к сопоставлению ее разнородных явлений, создавая тем самым общую морфологию культуры» [17, с. 12]. Избыточность знака, конечно, минимальна (но она есть!), в символе она огромна. Запоминаясь, артефакт, благодаря его интерпретативным свойствам, интеллектуализирует память. Проникновение во внутреннюю форму артефакта есть приобщение к культуре. Создаваемые нами образы, обобщения, понятия обладают свойством открытости и ограничены только нашей собственной активностью, направленной в мир, на природу и культуру, на других людей и самих себя. Если принять во внимание совокупный опыт человечества, мы сможем убедиться, что понимание не имеет границ. Еще один довод в пользу этого положения принадлежит Вергилию, который сказал: Все может надоесть, кроме понимания. Это мы знаем и на своем собственном опыте. Соответственно, на опыте науки мы должны были бы убедиться в бесплодности поисков «окончательных» объяснений и «последних» истин. Их с успехом заменяет создаваемый нами *«простанства внутренний избыток»*.

Б. Г. Мещеряков совершенно справедливо соотнес идею глубины или уровней обработки Ф. Крейка и Р. Локхарта [62] с идеей активности и деятельностного опосредования П. И. Зинченко. Но сказав «А», нужно говорить и «Б». Глубине уровней обработки должна соответствовать глубина уровней активности. И здесь психологии неопределимую услугу оказывают исследования Н. А. Бернштейна, посвященные анализу уровней построения движений [2; 3], и исследования А. В. Запорожца, посвященные развитию произвольных движений [19]. Бернштейн проследил развитие живого движения от фонового уровня *A* палеокинетических регуляций к субкортикальному уровню *B* синергий и штампов, затем к кортикальному уровню *C* построения пространственного поля, далее к следующему кортикальному уровню *D* предметных действий. Наконец, он указал на последний уровень *E*, лежащий выше уровня действий и выходящий за его пределы. Он называл его высшим уровнем символических координаций. Несмотря на то что Бернштейн связывал уровни построения движений с теми или иными уровнями мозговой организации поведения, он, вслед за А. А. Ухтомским, рассматривал сами движения и действия как функциональные органы индивида, которые, как живое существо, эволюционируют, инволюционируют и обладают реактивностью и чувствительностью. Согласно Ухтомскому, такие функциональ-

ные органы, как состояния человека, образы мира, воспоминания и др., представляют собой всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. Они существуют виртуально и актуализируются в соответствии с задачами поведения и деятельности. В функциональном органе отражается не то, что свойственно индивиду и внешней среде, взятым по отдельности, а то, что *возникает* в них при взаимодействии друг с другом и исчезает вместе с прекращением этого взаимодействия. Будучи сформированы, функциональные органы существуют виртуально, как некоторый набор средств и способов активности (когнитивной, аффективной, коммуникативной, исполнительной и пр.). Их важнейшим свойством является способность к предвидению. Условно такие органы можно назвать культурным или деятельностным потенциалом индивида, своего рода «фонотекой» (Н. А. Бернштейн). Л. С. Выготский для характеристики психических актов предпочитал использовать термины «психологические орудия», «новообразования». Идея функциональных органов не нова. В свое время И. Г. Фихте говорил, что человек создает органы «душой и сознанием назначенные». Такие приобретения (создания) оказываются неколебимей, чем недвижимость (Иосиф Бродский), и виртуальная реальность слишком часто становится реальнее реальной.

Бернштейн говорил о «фонотеке», можно говорить и об «арсенале» функциональных органов, формируемых человеком. Существенно, что идея функциональных органов индивида возникла у А. А. Ухтомского в контексте размышлений об анатомии и физиологии человеческого духа. К этой идее близка идея личных конструктов Дж. Келли [38], возникшая в контексте размышлений о личности. Целесообразно различать относительно постоянные функциональные органы и оперативные. К числу постоянных можно отнести, например, интегральный образ мира, слово, культурную память, интеллектуальные приемы и схемы, схематизмы сознания, двигательные умения и навыки и т. п. Они имеют свои внешние и внутренние формы и столь же избыточны, как и артефакты, о которых говорилось выше. Для таких функциональных органов больше подходит термин «функциональные структуры когнитивных и исполнительных актов». Оперативные функциональные органы — это органы в действии, например, текущие доминанты, функциональные состояния индивида, срочные когнитивные и поведенческие акты, складывающиеся здесь и теперь. Келли также подчеркивает, что личные конструкты являются орудиями опыта, а не просто его продуктами. В них, как и в функциональных органах, присутствует не только *Istwert*, но и *Sollwert*.

Согласно Бернштейну, уровни определяют ранговый порядок сложности и значимости действий организма вообще. Внешняя картина (форма) пространственных действий настолько сложна, что для ее описания недостаточно метрики, а требуется привлечение топологических категорий. Вовлеченность

тех или иных уровней движения в поведение определяет полноту образа окружающей среды. А. Пуанкаре говорил, что неподвижное существо не могло бы построить геометрии.

Когнитивные системы, регулирующие поведение, имеют не менее сложное строение, чем моторика. Так, в исследованиях актуальгенеза (микрогенеза) восприятия получен подобный действиям ранговый порядок сложности перцепта. Ученик Ф. Зандера У. Ундойч [63] выделил следующие стадии микрогенеза: 1) стадия диффузного целого; 2) стадия дифференциации фигуры и фона, но еще без четкого восприятия формы; 3) стадия, на которой наблюдатель начинает формулировать рабочие гипотезы относительно идентификации формы (преконфигурационная стадия); 4) стадия четкого восприятия формы. Разные авторы выделяют от трех до шести стадий. Спорным является вопрос о месте среди стадий обнаружения таких перцептивных категорий, как движение и цвет. Имеется и другая логика изучения уровней или стадий формирования образа формы. Согласно ей за обнаружением (выделением фигуры из фона) следует выделение адекватных задаче информативных признаков, например контура формы. Затем — ознакомление с выделенным признаком. Итого является сформированный образ, в котором непроизвольно зафиксированы и другие признаки, irrelevantные задачам ознакомления. При опознании знакомого предмета, предъявленного на короткое время, все эти стадии, как и стадии микрогенеза, очевидным образом не присутствуют в сознании, и создается впечатление (только ли впечатление?) симультанности, одноактности опознания.

Возникает непростая задача экспликации этих стадий или конструирования возможных гипотез о механизмах симультанного восприятия и опознания. Многие годы обсуждается вопрос, какая работа ведет к актам узнавания, последовательно или параллельно осуществляются операции над отдельными признаками [35; 36; 54]. Альтернативный подход состоит в том, что в результате научения формируются сенсорные и перцептивные эталоны (А. В. Запорожец, Т. П. Зинченко), оперативные единицы восприятия (В. П. Зинченко), оперативные единицы памяти (П. И. Зинченко, Г. В. Репкина). Перечисленные новообразования при своем функционировании выступают как целостные, интегральные комплексы или гештальты. Они подобны кваркам, в которых слиты различные элементарные частицы. К ним применим и термин Бернштейна: «сенсорный синтез». В симультантных актах опознания оперативных единиц восприятия и памяти как бы снимается или преодолевается стадильность формирования и опосредованность его перцептивными или мнемическими действиями. Они воспринимаются не только одноактно, но и непосредственно, что служит основанием для чувственной интуиции или «ощущения смысла».

Исследование возможного соотношения рангов сложности движения и рангов сложности перцепта и пути к нему, на мой взгляд, представляет собой интересную задачу. Еще одна логика прослеживается в

развитии исследований уровней обработки информации в кратковременной зрительной памяти. В них обращалось основное внимание не столько на выделяемое перцепиентом содержание, сколько на консервативные и динамические функциональные блоки («ящики в голове»), участвующие в обработке информации. В зависимости от характера решаемых задач в ней могут принимать участие сенсорный регистр, иконическая память, сканирование, опознавание, формирование моторных инструкций (программ использования полученных данных), оперирование, манипулирование (mental rotation) образами, а затем и программами их актуализации: блок семантической обработки (извлечение и придание смысла), повторение во внутренней речи и, наконец, вербальный или моторный ответ. Каждый из функциональных блоков характеризуется различным соотношением консервативных и динамических свойств. Например, в сенсорном регистре преобладают консервативные, в блоке семантической обработки — динамические свойства. В последнем случае человек проникает в более глубокие пласты значений и смыслов [20]. Максимальная глубина обработки достигается за пределами кратковременной памяти после актов дискурсии при работе со значениями и смыслами.

Функциональные блоки (они же уровни) обработки информации подобно функциональным органам существуют виртуально, они актуализируются по мере надобности при возникновении поведенческих или других задач. Они могут быть организованы иерархически. Возможна и гетерархия, которая может представлять собой своего рода когнитивный пул, т. е. не последовательное, а параллельное сочетание сил, направленных на решение задачи. Обнаружение большей части перечисленных и не перечисленных функциональных блоков, открытых почти за полвека существования когнитивной психологии, потребовало изобретения изоциренных экспериментальных приемов исследования, получивших названия микроструктурного и микродинамического анализа. Все они осуществляются в таком временном диапазоне, который недоступен никакому самонаблюдению, не поддается описанию на «языке внутреннего». К сожалению, спроецировать работу изученных уровней обработки информации в кратковременной памяти на реальный процесс решения проблемных ситуаций можно лишь гипотетически. Любому решению предшествует фаза ознакомления с проблемной ситуацией или фаза информационного поиска. Регистрация движений глаз показывает, что на этой фазе наблюдается различная длительность зрительных фиксаций. На каждом шаге ознакомления с ситуацией глубина обработки, а соответственно, и проникновения в ситуацию различна [20]. Такому предположению не противоречит и возможность практически мгновенного схватывания смысла ситуации. Примером может быть эксперимент В. Б. Малкина над шахматным гроссмейстером. Ему была поставлена задача — запомнить сложную шахматную позицию, предъявленную на одну секун-

ду. После предъявления гроссмейстер сказал, что не помнит, какие были фигуры и на каких местах они стояли, но твердо уверен, что позиция белых слабее. Это было действительно так. Шахматисту не ставилась задача оценки позиции, она была произвольной. В этом случае блок семантической обработки выдвинулся как бы на первое место. У рядового шахматиста подобное невозможно: он мыслит элементами — отдельными фигурами, а не ситуациями — позициями. То, что в развитии складывается позже, при функционировании выступает на первое место. Смена места уровней, стадий при их формировании и функционировании напоминает восточную поговорку: когда караван поворачивает, хромой верблюд становится первым. Уровень семантической оценки позиции, сформировавшийся последним, функционирует первым.

Естественно, что выше приведен далеко не полный перечень потенциально возможных уровней обработки информации, определяемых задачами внимания, наблюдения, запоминания и действия. Если позволить себе немножко пофантазировать, то можно провести внешнюю аналогию между ранговой сложностью двигательных, перцептивных и умственных действий и рангами рефлексивного проникновения в глубину замыслов соперника. Последнее — сюжет рефлексивных игр, развитый В. А. Лефевром.

Иной акцент был поставлен в исследованиях А. В. Запорожца. При анализе развития произвольных движений (в терминологии Бернштейна, это уровни *D* и *E*) основное внимание было уделено макрогенезу, т. е. разворачиванию процесса формирования образа ситуации и образа действий, которые в этой ситуации должны быть выполнены. Образ ситуации и образ действий выступили у Запорожца в качестве внутренней картины (внутренней формы) произвольных движений и действий, без которой невозможно сколько-нибудь эффективное их осуществление. Следовательно, глубина обработки зависит не только от воспринимаемого, запоминаемого предмета, но и от уровня активности. Мы имеем дело с синергией (в ином смысле, чем у Бернштейна уровень *B*) образа и действия. Точнее, действие, приводящее к формированию образа, становится внутренней формой сложившегося образа. В свою очередь, складывающийся или сложившийся образ становится внутренней формой выполняемых движений и действий.

Подобные динамические отношения между образом и действием далеки от стимульно-реактивных схем описания поведения. Образ не просто вызывает то или иное действие, а трансформируется в действие, становится образом-регулятором. При этом он утрачивает свойства избыточности и константности, необходимые для принятия решения о действии или отказа от него. В образе действия присутствуют релевантные задаче и вполне реальные свойства ситуации и объекта действия. Происходит декомпозиция образа и композиция действия. Осуществление последнего тоже можно рассматривать как его декомпозицию, но действие не исчезает вовсе, оставляя после себя не только результат, но и образ измененной действием ситуации.

Мы сталкиваемся с удивительными превращениями образа. Образ наличной ситуации трансформируется в образ требуемой ситуации. В терминологии Н. А. Бернштейна — это превращение *Istwert* в *Sollwert*, а в терминологии Л. С. Выготского — в актуальное будущее поле. Образ требуемой ситуации, в свою очередь, трансформируется в образ действия. Наконец, когда действие начинается, образ действия становится образом в действии, не столько оседает, сколько воплощается в нем. Все происходящее ведет к тому, что не только действие во всей своей сложности становится предметным, но и осуществляющие его движения, как бы впитывающие в себя предмет, приобретают предметные черты. Великий Чарльз Шеррингтон говорил когда-то о предметных рецепторах. Он имел в виду зрение и слух. Предметной становится и кинестетика, и проприорецепция. Чувствительность движения к самому себе, к собственному протеканию дополняется чувствительностью к ситуации, к предмету действия. Мало этого, движение становится чувствительным к смыслу двигательной задачи, т. е. к планируемому будущему результату и построенной программе его достижения. И все это, как и в случае уровней обработки в зрительной кратковременной памяти, происходит в недоступном самонаблюдению диапазоне времени. Но происходит вовсе не автоматически (не хотелось бы использовать термин «бессознательно»). В исследовании Н. Д. Гордеевой показано, что чувствительность движения к самому себе и чувствительность его к ситуации меняются со сдвигом по фазе. Их чередование зависит от скорости движения: при выполнении, например, комфортного движения, длящегося около одной секунды, смена чувствительности наблюдается с интервалом от 100 до 200 мс. Другими словами, происходит сопоставление показаний обоих видов чувствительности и соотнесение полученной оценки со смыслом текущей двигательной задачи. Обнаруженный эффект был назван эффектом фоновой рефлексии. Последняя даже в простых движениях происходит несколько раз в секунду. Важно заметить, что при смене обоих видов чувствительности она не падает до нуля. Значит, сохраняется готовность в случаях внешней или внутренней необходимости ее повышения [14; 15].

Наличие подобного механизма в свое время было предсказано Н. А. Бернштейном. После того как овладевающий навыком определил его двигательный состав и установил, как будут *выглядеть* (снаружи) требуемые движения, «он доходит до того, как должны *ощущаться* (изнутри) и сами эти движения, и управляющие ими сенсорные коррекции» [4, с. 238]. Это есть ничто иное, как заглядывание внутрь самого себя, о котором мы, совершая даже сложные действия, не подозреваем.

Следовательно, уже на таких глубинных уровнях активности наблюдается ее интенциональность, рефлексивность, содержательная сложность и др., что позволяет говорить не просто о бессознательном, а о бытийном слое или уровне работы сознания. Сказанное справедливо для макрогенеза восприятия (фор-

мирования нового образа); для микрогенеза восприятия (опознание знакомого образа); для различных по сложности преобразований информации в кратковременной памяти, необходимых для решения проблем или перевода ее в долговременную память; для построения движений и действий (непроизвольных и произвольных, вынужденных и спонтанных, свободных). На бытийном уровне сознания теряют смысл привычные различия субъективного и объективного, внешнего и внутреннего. Конечно, изученные и изучаемые уровни обработки информации субъективны, но лишь в том смысле, что они принадлежат индивиду. Но это такое субъективное, которое не менее объективно, чем так называемое объективное. Речь идет об особой онтологии единого континуума бытия-сознания (работа рефлексивного и духовного уровней сознания требует специального изложения [см.: 23]).

Я начал разговор об уровнях обработки информации и уровнях активности с примера, относящегося к психологии искусства. Известно, что восприятие искусства играет существенную роль в личностном развитии человека. По мере погружения во внутренние формы произведений искусства мы ведь углубляемся и в себя, начинаем строить свою собственную внутреннюю форму, которая тоже неоднородна, имеет свои ступени и уровни. Это, конечно, относится не только к восприятию искусства, а имеет более широкое значение. Но это уже другой сюжет.

Едва ли нужно пояснять, что сказанное об образе и действии имеет непосредственное отношение к памяти и результатам ее исследований, проведенных П. И. Зинченко, Ф. Крейком и Р. Локхартом, и также к намеченным ими перспективам изучения уровней ее активности и глубины обработки. Их исследования не только не противоречат друг другу, а дают новые основания для трактовки человеческой памяти в целом и отдельных ее видов — запоминания, сохранения, воспоминания, воспроизведения, забывания — как динамического функционального органа, несомненно обладающего и консервативными свойствами. Яркую характеристику этого функционального органа дал Владимир Набоков: память превращается «либо в необыкновенно развитый орган, работающий постоянно и своей секрецией возмещающий все исторические убытки, либо в раковую опухоль души, мешающую дышать, спать, общаться с беспечными иностранцами». (В последнем случае речь идет о ностальгии эмигранта.)

4. Некоторые перспективы: от уровней к функциональным органам и их моделям

Позволю себе сделать общее заключение относительно уровней глубины обработки и уровней активности, независимо от того, относятся ли изученные уровни к перцепции, памяти, пониманию, к решению проблем или организации действия. Разумеется, изученные когнитивные и исполнительные акты не исчерпывают полноты измерений внутреннего мира

или внутреннего пространства человека. На мой взгляд, сегодня задача исследователей состоит не столько в том, чтобы увеличивать число измерений, сколько в том, чтобы установить смысловые связи между уже известными подходами, каждый из которых предлагает свое объяснение, по сути дела, одного и того же с различных сторон изучаемого предмета. Хотя они все разные, но ни одно из них не толкает на путь редукции к нейрофизиологическим механизмам, который выводит объяснение за рамки психологии. В. Н. Порус предлагает вместо движения по «трассе редукционистского слалома» другой путь — путь построения *топологической системы*, в которой «уровни» или «типы» объяснений выступают как взаимные «транскрипции», способы прочтения своих смыслов в иных языках [51, с. 95—96]. Такой путь к пониманию целого давно назрел и для его реализации уже имеются достаточные предпосылки. Выше отмечалось, что первоначальные представления об иерархической организации когнитивных и исполнительных актов оказываются неудовлетворительными и уступают место представлениям об их гетерархической организации. Но когда речь идет о координации между собой сложных когнитивных актов в интересах обеспечения исполнительных актов, имеющих, в свою очередь, уровневую структуру, ситуация еще более усложняется. Гетерархии недостаточно. Необходима координация не только по вертикали между уровнями, находящимися внутри того или иного акта. Необходима также координация по горизонталям и диагоналям, т. е. между уровнями, относящимися к различным функциональным структурам когнитивных или исполнительных актов. Нечто подобное имел в виду А. Кёстлер, вводя термины «матрица» и «бисоциация», последнему М. К. Петров предпочел термин «мультисоциация» [50, с. 33]. Речь может идти о многосвязной сети горизонтальных и вертикальных уровней, подобной многосвязной сети нейронов, соединенных по принципу «каждый с каждым» (более подробно см.: [2; 31]). Такая «пространственная» многосвязная сеть служит основанием для построения функциональных моделей или структур деятельности, включающих в себя компоненты, относящиеся к разным уровням. Опыт построения межуровневых моделей постепенно накапливается. Его начало заложено в моделях управления движением, предложенных Н. А. Бернштейном и его последователями [13]. Не стану вдаваться в проблему, как нейроны «узнают» друг друга в многосвязных сетях. Важнее ответить на вопрос, как «узнают» друг друга уровни или компоненты, относящиеся к различным функциональным структурам когнитивных и исполнительных актов. Ответить на этот вопрос помогает рассмотрение таких актов (постоянных функциональных органов) как метаформ. Проиллюстрирую это на примере действия, слова и образа. Во внутреннюю форму действия входят образ и слово; во внутреннюю форму образа входят действие и слово, наконец, во внутреннюю форму слова входят образ и действие. Метаформы, будь они слово, образ или действие, содер-

жат соответствующие им функциональные, вербальные, перцептивные, предметные и операциональные значения. Они не статичны, а динамичны, и их динамика порождает смыслы. В. Гумбольдт видел за формами языка в качестве внутренней формы формирующую идею духа. Она же присутствует за метаформами образа и действия. Разумеется, все метаформы не беспристрастны. За ними есть и чувства. Таким образом, мы получаем переплетение, бахрому или гирлянды внутренних форм, где входящие в них компоненты опутаны сетями прямых и обратных связей [25; 26]. При таком рассмотрении функциональные структуры действия, образа и слова больше, чем «знакомы». Они не только по своему происхождению, но и по своему функционированию представляют собой гетерогенные образования, что и составляет основу их взаимоотношений и взаимодействий при решении новых задач, возникающих в неопределенных и меняющихся условиях поведения и деятельности. Происходит декомпозиция запасенных ранее структур и композиция новых структур, требуемых задачами деятельности. В том числе и структур, с помощью которых конструируется будущее.

Уподобление (взаимная «транскрипция») постоянных функциональных органов, функциональных структур когнитивных и исполнительных актов метаформам действия, слова, образа имеет достаточно глубокие основания. М. К. Мамардашвили рассматривал форму как внутренний понимаемый элемент, как «орган жизни», который компенсирует (или корректирует) недостаточность или неопределенность самой жизни: «Потому, что события в мире доопределяются в их «органах жизни», именно потому они недоступны внешнему наблюдению, — если у внешнего наблюдателя нет того же самого органа» [46, с. 318]. Говоря о формах, Мамардашвили имел в виду не статуарные формы, а *формы силы*, т. е. формы некоторого напряжения, которые физически и наглядно непредставимы. Ритм или динамическая пульсация — вот что является формой, о которой он говорит: «Форма есть тот резонансный сосуд или ящик, который ею создается. У Марселя Пруста где-то фигурирует выражение «ящик резонанса», очень образное и подходящее к тому, что я называл путем... Способность подчиниться такой форме и есть в нас голос той точки, где перекрещиваются свобода и необходимость» [47, с. 358]. Г. Г. Шпет также характеризовал внутреннюю форму как путь. Близка к этому и оценка функционального органа, как «активного покоя», данная А. А. Ухтомским. Далее, Мамардашвили, как бы следуя логике Ухтомского, говорит о чувствующей или чувствительной, сенситивной форме, отличной от наших физических органов чувств [там же, с. 319]. И эта форма не просто желание или мимолетное впечатление, она способна держаться, сохраняться, транслироваться: «Форма, структура и есть то, на основе чего человеческое состояние обладает свойством бесконечности и понимания бесконечного» [45, с. 266].

Бесконечного не только времени, но и пространства. Выше говорилось, что функциональные органы

существуют виртуально, они находятся в особом пространстве и времени — в активном хронотопе. Это иное время, движущееся вперед или назад или вовсе останавливающееся, и иное пространство с полисенсорными, а не декартовыми или какими-либо другими абстрактными координатами. Раз возникнув, функциональный орган продолжает жить в пространстве и времени хронотопа, сохраняя связь с внешним миром через им же настраиваемые подсистемы восприятия и движения. Будучи структурой, формой, он подобен диссипативным структурам, способным к внутренней дифференциации и самоорганизации [см.: 52].

Мне пришлось обратиться к работам Мамардашвили и Пригожина, чтобы у читателя не возникло впечатления элементарности происходящего: сложились функциональные органы, структуры, метаформы, затем рассыпались их элементы, самоорганизовались (через внешнюю среду) в новые структуры и тем самым обеспечили эффективное (разумное, творческое) поведение и деятельность. Эти процессы далеко не автоматические, скорее, драматические, в которых счастливая развязка не гарантирована. Чтобы развеять иллюзию простоты, напомним, что характеристика внутренней формы слова потребовала от Г. Г. Шпета монографического описания [1927/2005]. Такое же описание понадобилось Н. Д. Гордеевой для характеристики функциональной структуры действия [13]. Динамика внутренней формы образа изучалась также В. П. Зинченко, Н. Ю. Вергилисом [30], Б. И. Беспаловым [5].

Не углубляясь в динамику внутренних форм, ограничусь метафорической характеристикой того, как человек противостоит неопределенности и изменчивости мира (внешнего и внутреннего, если такое различие еще имеет смысл). Начну со сферы смысла. М. Вебер уподобил человека животному, который находится в паутине смыслов, которую он сам же сплел, видимо, из своего собственного бытия. Найти в паутине нужный узелок, если ее не заставить вибрировать, довольно затруднительно. В преодолении критической ситуации участвует моторика. Н. А. Бернштейн уподобил живое движение паутине на ветру; А. В. Запорожец сравнивал освобожденное от штампов живое движение с Эоловой арфой. Живое движение участвует в порождении образа. Живой образ, в свою очередь, может быть вибрирующим, напряженным, мучительным и зыбким, т. е. таким же подвижным, как смысл и движение. Он подвержен оперированию, манипуляциям и трансформациям. Его можно уподобить той же паутине на ветру. Полизначно и полисемично слово. Его тоже нужно найти: *Я слово потерял, что вам хотел сказать, / И мысль бесплотная в чертог теней вернется. Об этом же: Какая боль искать потерянное слово.* Подобным же образом описывается поведение мысли: «Логика мысли не есть уравновешенная рациональная система. Логика мысли подобна порывам ветра, что толкают тебя в спину. Думаешь, что ты еще в порту, а оказывается — давно уже в открытом море, как писал Лейбниц» [16, с. 121]. Нако-

нец, читателям, озабоченным поисками физиологических механизмов поведенческих и психических актов, можно напомнить, что близкую метафору использовали нейрофизиологи, утверждавшие, что в живом организме сеть дендритов подвижна, как ветки дерева при легком ветерке. Приведенные примеры говорят о том, что психология не только должна стать более толерантной к неопределенности [24], но и быть внимательной к способам ее преодоления.

А теперь вспомним, что за всеми перечисленными актами стоят сложнейшие, находящиеся в неравновесном состоянии функциональные структуры, которые столь же необходимы для организации поведения и деятельности, сколь и избыточны. Из их элементов (уровней) нужно строить оперативные функциональные органы. Видимо, действительно для описания такой работы необходимо привлечение топологических категорий, или, как давно предупредил Н. А. Бернштейн, строить новую математику, которой до сих пор нет, и едва ли она будет построена в обозримом будущем. Приходится пользоваться поэтическими формулами и, обходясь своими силами, строить «понимательные» или интеллектуальные концептуальные схемы.

Закрывая разговор об уровнях глубины обработки и уровнях активности, не могу не признать, что меня не покидает ощущение тайны, чуда происходящего в человеческом восприятии, памяти, мышлении. На языке науки это чудо состоит в переходе от сукцессивности к симультанности восприятия мира. Таким же чудом является поразительная готовность нашей памяти, практически мгновенно выбирающей из ее не имеющего отчетливых границ объема то, что нужно в данный момент. На языке поэзии его выразили У. Блейк: *В одно мгновение видеть вечность...* и Б. Пастернак: *Мгновение длился этот миг, / Но он и вечность бы затмил.* Возможно, прикоснуться к тайне симультанности поможет обращение к проблеме соотношения непосредственного и опосредованного в человеческом познании и деятельности. В конце концов, непосредственное и опосредованное — это ведь тоже уровни организации психической жизни человека, его сознания и деятельности. Этот сюжет автор рассматривает в другой работе [29], являющейся продолжением настоящего изложения.

Все сказанное, конечно, можно назвать фантазией. Но ведь должна же психология когда-нибудь стать объективной наукой о субъективном мире человека, а не только изучать (и учить), как человек ориентируется во внешнем мире. Первое — мечта яркого представителя Харьковской, а затем и Московской психологической школы П. Я. Гальперина; второе — его реальная работа. На мой взгляд, изучение произвольной памяти, понимаемой в широком смысле слова (включая запоминание, воспоминание, забывание), начало которому положено П. И. Зинченко и являющееся предметом нашей дискуссии, ближе к реализации мечты его друга П. Я. Гальперина.

Литература

1. Асмус В. Ф. Историко-философские этюды. М., 1984.
2. Бернштейн Н. А. О построении движений. М., 1947.
3. Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движения и физиологии активности. М., 1966.
4. Бернштейн Н. А. Биомеханика и физиология движений. М.; Воронеж, 1997.
5. Беспалов Б. И. Действие. Психологические механизмы визуального мышления. М., 1984.
6. Бибихин В. В. Мир. СПб., 2007.
7. Бибихин В. В. Внутренняя форма слова. СПб., 2008.
8. Бродский И. Поклониться тени. СПб., 2001.
9. Василюк Ф. Г. Понимающая психотерапия: опыт построения психотехнической системы // Гуманитарные исследования в психотерапии. Вып. 1. М., 2007.
10. Вдовина И. С. От первичного восприятия к миру культуры // Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.
11. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1926.
12. Гершензон М. О. Гольфстрем. Ключ веры. Мудрость Пушкина. М., 2001.
13. Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.
14. Гордеева Н. Д. Продуктивный хаос как условие порождения предметного действия // Вопросы психологии. 2007. № 3.
15. Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. № 6.
16. Делёз Ж. // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007.
17. Доброхотов А. Л. Круглый стол: Культурология как наука: за и против // Вопросы философии. 2008. № 11.
18. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.
19. Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М., 1960.
20. Зинченко В. П. Продуктивное восприятие // Вопросы психологии. 1971. № 6.
21. Зинченко В. П. Мысль и слово Густава Шпета. М., 2000.
22. Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г. Совокупная деятельность как генетически исходная единица психического развития // Психологическая наука и образование. 2000. № 2.
23. Зинченко В. П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. Вып. 1.
24. Зинченко В. П. Толерантность к неопределенности: новшество или психологическая традиция? // Вопросы психологии. 2007. № 6.
25. Зинченко В. П. Гетерогенез творческого акта: слово, образ и действие в «Котле Cogito» // Когнитивный подход. М., 2007.
26. Зинченко В. П. Порождение и метаморфозы смысла: от метафоры к метаформе // Культурно-историческая психология. 2007. № 3.
27. Зинченко В. П. Ранние стадии культурного развития ребенка // Психанима. Т. 1. № 1. Декабрь 2008. Электронный журнал университета «Дубна». www.psychanima.ru.
28. Зинченко В. П. Шепот прежде губ, или что предшествует эксплозии детского языка? // Культурно-историческая психология. 2008. № 2.
29. Зинченко В. П. Нужно ли преодолевать «постулат непосредственности»? // Вопросы психологии. 2009. № 2.
30. Зинченко В. П., Вергилес Н. Ю. Формирование зрительного образа. М., 1969.
31. Зинченко В. П., Назаров А. И. Послесловие // Бернштейн Н. А. Биомеханика и физиология движений. М.; Воронеж, 1997.
32. Зинченко П. И. Проблема произвольного запоминания // Научн. зап. Харьк. пед. ин-та ин. языков. 1939. Т. 1.
33. Зинченко П. И. О забывании и воспроизведении школьных знаний // Научн. зап. Харьк. пед. ин-та ин. языков. 1939. Т. 1.
34. Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М., 1961.
35. Зинченко Т. П. Когнитивная и прикладная психология. М.; Воронеж, 2000.
36. Зинченко Т. П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии. СПб., 2002.
37. Кандинский В. Точка и линия на плоскости. СПб., 2004.
38. Келли Дж. Теория личности. СПб., 2000.
39. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.
40. Леонтьев А. Н. Развитие памяти. М., 1931.
41. Леонтьев А. Н. Борьба за проблему сознания в становлении советской психологии // Вопросы психологии. 1967. № 2.
42. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983.
43. Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти. М., 1968.
44. Лурия А. Р. Природа человеческих конфликтов. М., 2002.
45. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте. М., 1995.
46. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. СПб., Журнал «Нева», 1997.
47. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М., 2000.
48. Мейерхольд В. Статьи. Речи. Беседы: В 2 т. М., 1986.
49. Мещеряков Б. Г. Память человека: эффекты и феномены. М., 2004.
50. Петров М. К. Философские проблемы науки о науке. Предмет социологии науки. М., 2006.
51. Пюрис В. Н. Как объяснить? Знак развилки на пути психологии // Методология и история психологии. 2008. Вып. 1.
52. Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. М.; Ижевск, 2000.
53. Рубинштейн С. Л. Человек и Мир // Проблемы общей психологии. М., 1973.
54. Шехтер М. С. Психологические проблемы узнавания. М., 1967.
55. Шпет Г. Сочинения. М., 1989.
56. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М., 1978.
57. Ясницкий А. Очерк истории Харьковской психологической школы: период 1931–1936 гг. // Культурно-историческая психология. 2008. № 3.
58. Bartlett. F. Remembering. A study in experimental and social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932.
59. Brandist C. The rise of Soviet sociolinguistics from the ashes of Volkpsychologie // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2006. 42 (3).
60. Cermak L., and F. Craik (eds.) Levels of processing and human memory. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1979.
61. Cole M. Introduction: The Kharkov school of developmental psychology. Soviet psychology. 1980. 18 (2).
62. Craik F., and R. Lockhart. Levels of processing: A framework for memory research // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1972. 11.

63. *Undeutsch U.* Die Aktualgenese in ihrer Allgemein-Philosophischen und ihrer characterologischen Bedeutung. Scientia. 1942. 72.

64. *Valsiner J.* Developmental psychology in the Soviet Union. Brighton, Sussex: Harvester Press, 1988.

65. *Van der Veer R.* The concept of culture in Vygotsky's thinking // Culture & Psychology. 1996. 2.

66. *Yasnitsky A., and Ferrari M.* Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school // Journal of History of Psychology. 2008. 11 (2).

67. *Yasnitsky A., and Ferrari M.* From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the

Kharkov school // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2008. 44 (2).

68. *Zinchenko A. V.* Nostalgia and discontinuity of life: A multiple case study of older ex-Soviet refugees seeking psychotherapeutic help for immigration-related problems: Unpublished Ph.D. dissertation. Saybrook Graduate School, 2001.

69. *Zinchenko V. P.* Thought and word: The approaches of L. S. Vygotsky and G. G. Shpet // The Cambridge Companion to Vygotsky / Ed. by H. Daniels, M. Cole and J. V. Wertsch. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Living Memory in P.I. Zinchenko Research (Retrospective and Prospective)

V. P. Zinchenko

PhD in Psychology, Professor, Institute of General and Secondary Education, RAE, Chair of General and Experimental Psychology, State University Higher School of Economics, Full Member of the Russian Academy of Education

A brief P.I. Zinchenko biography outline is presented. His studies of memory are reviewed in the context of the cultural-historical psychology, psychology of action and activity. P.I. Zinchenko memory research results are interpreted in terms of "information processing depth" and "activity levels" conceptual schemes.

Keywords: fate, chance, involuntary and arbitrary memory, depth of processing, levels of activity, functional organ.

References

1. *Asmus V. F.* Istriko-filosofskie etjudy. M., 1984.
2. *Bernshtejn N. A.* O postroenii dvizhenij. M., 1947.
3. *Bernshtejn N. A.* Ocherki po fiziologii dvizhenija i fiziologii aktivnosti. M., 1966.
4. *Bernshtejn N. A.* Biomehanika i fiziologija dvizhenij. M.; Voronezh. 1997.
5. *Bespalov B. I.* Dejstvie. Psihologicheskie mehanizmy vizual'nogo myshlenija. M., 1984.
6. *Bibihin V. V.* Mir. SPb., 2007.
7. *Bibihin V. V.* Vnutrennjaja forma slova. SPb., 2008.
8. *Brodskij I.* Poklonit'sja teni. SPb., 2001.
9. *Vasiljuk F. G.* Ponimajuaja psihoterapija: opyt postroenija psihotekhnicheskoi sistemy // Gumanitarnye issledovanija v psihoterapii. Vyp. 1. M., 2007.
10. *Vdovina I. S.* Ot pervichnogo vosprijatija k miru kul'tury // Merlo-Ponti M. Fenomenologija vosprijatija. SPb., 1999.
11. *Vygotskij L. S.* Pedagogicheskaja psihologija. M., 1926.
12. *Gershenson M. O.* Gol'fstrem. Kljuch very. Mudrost' Pushkina. M., 2001.
13. *Gordeeva N. D.* Eksperimental'naja psihologija ispolnitel'nogo dejstvija. M., 1995.
14. *Gordeeva N. D.* Produktivnyj haos kak uslovie porozhdenija predmetnogo dejstvija // Voprosy psihologii. 2007. № 3.
15. *Gordeeva N. D., Zinchenko V. P.* Rol' refleksii v postroenii predmetnogo dejstvija // Chelovek. 2001. № 6.
16. *Delez Zh.* // Novejsnij filosofskij slovar'. Postmodernizm. Minsk, 2007.
17. *Dobrohotov A. L.* Kruglyj stol: Kul'turologija kak nauka: za i protiv // Voprosy filosofii. 2008. № 11.
18. *Zhinkin N. I.* Rech' kak provodnik informacii. M., 1982.
19. *Zaporozhec A. V.* Razvitie proizvol'nyh dvizhenij. M., 1960.
20. *Zinchenko V. P.* Produktivnoe vosprijatie // Voprosy psihologii. 1971. № 6.
21. *Zinchenko V. P.* Mysl' i slovo Gustava Shpeta. M., 2000.
22. *Zinchenko V. P., Mewerjakov B. G.* Sovokupnaja dejatel'nost' kak geneticheski ishodnaja jedinica psihicheskogo razvitija // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2000. № 2.
23. *Zinchenko V. P.* Soznanie kak predmet i delo psihologii // Metodologija i istorija psihologii. 2006. Vyp. 1.
24. *Zinchenko V. P.* Tolerantnost' k neopredelennosti: novost' ili psihologicheskaja tradicija? // Voprosy psihologii. 2007. № 6.
25. *Zinchenko V. P.* Geterogenez tvorcheskogo akta: slovo, obraz i dejstvie v «Kotle Cogito» // Kognitivnyj podhod. M., 2007.
26. *Zinchenko V. P.* Porozhdenie i metamorfozy smysla: ot metafory k metaforme // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2007. № 3.
27. *Zinchenko V. P.* Rannie stadii kul'turnogo razvitija rebenka // Psihanima. T. 1. № 1. Dekabr' 2008. Elektronnyj zhurnal universiteta «Dubna». www.psychanima.ru.

28. *Zinchenko V. P.* Shepot prezhdje gub, ili chto predshestvuet jeksplozii detskogo jazyka? // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2008. № 2.
29. *Zinchenko V. P.* Nuzhno li preodolevat' «postulat neposredstvennosti»? // Voprosy psihologii. 2009. № 2.
30. *Zinchenko V. P., Vergiles N. Ju.* Formirovanie zritel'nogo obraza. M., 1969.
31. *Zinchenko V. P., Nazarov A. I.* Posleslovie // Bernsh-tejn N. A. Biomehanika i fiziologija dvizhenij. M.; Voronezh, 1997.
32. *Zinchenko P. I.* Problema neproizvol'nogo zapominani-ja // Nauchn. zap. Har'k. ped. in-ta in. jazykov. 1939. T. 1.
33. *Zinchenko P. I.* O zabyvanii i vosproizvedenii shkol'nyh znaniy // Nauchn. zap. Har'k. ped. in-ta in. jazykov. 1939. T. 1.
34. *Zinchenko P. I.* Neproizvol'noe zapominanie. M., 1961.
35. *Zinchenko T. P.* Kognitivnaja i prikladnaja psihologija. M.; Voronezh, 2000.
36. *Zinchenko T. P.* Pamjat' v jekspperimental'noj i kogni-tivnoj psihologii. SPb., 2002.
37. *Kandinskij V.* Tochka i linija na ploskosti. SPb., 2004.
38. *Kelli Dzh.* Teorija lichnosti. SPb., 2000.
39. *Koul M.* Kul'turno-istoricheskaja psihologija: nauka buduwegogo. M., 1997.
40. *Leont'ev A. N.* Razvitie pamjati. M., 1931.
41. *Leont'ev A. N.* Bor'ba za problemu soznaniya v stanov-lenii sovetsoj psihologii // Voprosy psihologii. 1967. № 2.
42. *Leont'ev A. N.* Izbrannye psihologicheskie proizvedeni-ja: V 2 t. M., 1983.
43. *Lurija A. R.* Malen'kaja knizhka o bol'shoj pamjati. M., 1968.
44. *Lurija A. R.* Priroda chelovecheskih konfliktov. M., 2002.
45. *Mamardashvili M. K.* Lekcii o Pruste. M., 1995.
46. *Mamardashvili M. K.* Psihologicheskaja topologija puti. SPb., Zhurnal «Neva», 1997.
47. *Mamardashvili M. K.* Jestetika myshlenija. M., 2000.
48. *Mejerhol'd V.* Stat'i. Rechi. Besedy: V 2 t. M., 1986.
49. *Mewerjakov B. G.* Pamjat' cheloveka: jeffekty i fenome-ny. M., 2004.
50. *Petrov M. K.* Filosofskie problemy nauki o nauke. Predmet sociologii nauki. M., 2006.
51. *Porus V. N.* Kak objasnit'? Znak razvilki na puti psi-hologii // Metodologija i istorija psihologii. 2008. Vyp. 1.
52. *Prigozhin I.* Konec opredelennosti. Vremja, haos i novye zakony prirody. M.; Izhevsk. 2000.
53. *Rubinshtejn S. L.* Chelovek i Mir // Problemy obwej psihologii. M., 1973.
54. *Shehter M. S.* Psihologicheskie problemy uznavanija. M., 1967.
55. *Shpet G.* Sochinenija. M., 1989.
56. *Judin Je. G.* Sistemnyj podhod i princip dejatel'nosti. Metodologicheskie problemy sovremennoj nauki. M., 1978.
57. *Jasnickij A.* Ocherk istorii Har'kovskoj psihologi-cheskoj shkoly: period 1931—1936 gg. // Kul'turno-istori-cheskaja psihologija. 2008. № 3.
58. *Bartlett. F.* Remembering. A study in experimental and social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932.
59. *Brandist C.* The rise of Soviet sociolinguistics from the ashes of Volkerpsychologie // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2006. 42 (3).
60. *Cermak L., and F. Craik* (eds.) Levels of processing and human memory. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1979.
61. *Cole M.* Introduction: The Kharkov school of develop-mental psychology. Soviet psychology. 1980. 18 (2).
62. *Craik F., and R. Lockhart.* Levels of processing: A framework for memory research // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1972. 11.
63. *Undeutsch U.* Die Aktualgenese in ihrer Allgemein-Philosophischen und ihrer characterologischen Bedeutung. Scientia. 1942. 72.
64. *Valsiner J.* Developmental psychology in the Soviet Union. Brighton, Sussex: Harvester Press, 1988.
65. *Van der Veer R.* The concept of culture in Vygotsky's thinking // Culture & Psychology. 1996. 2.
66. *Yasnitsky A., and Ferrari M.* Rethinking the early histo-ry of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school // Journal of History of Psychology. 2008. 11 (2).
67. *Yasnitsky A., and Ferrari M.* From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2008. 44 (2).
68. *Zinchenko A. V.* Nostalgia and discontinuity of life: A multiple case study of older ex-Soviet refugees seeking psy-chotherapeutic help for immigration-related problems: Unpublished Ph.D. dissertation. Saybrook Graduate School, 2001.
69. *Zinchenko V. P.* Thought and word: The approaches of L. S. Vygotsky and G. G. Shpet // The Cambridge Companion to Vygotsky / Ed. by H. Daniels, M. Cole and J. V. Wertsch. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.